

Сулимов Станислав Игоревич, Черниговских Игорь Васильевич, Разинькова Лилия Сергеевна
АНТИСИСТЕМНЫЕ ОСНОВЫ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА

Данная работа посвящена рассмотрению современного радикального исламизма с позиций учений О. Шпенглера о псевдоморфозе и Л. Н. Гумилёва об антисистемах. Авторы анализируют обстоятельства, вызвавшие исламизм к жизни, его связь с ваххабизмом и отношения исламизма с классическим исламом. Будучи реакцией мусульманского населения Леванта на засилье европейцев и прозападные реформы местных правителей, исламизм направлен против любых нововведений. Но, вдохновляясь ваххабитскими идеями, его адепты отвергают и ортодоксальный ислам, считая его искаженным чуждыми новшествами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 2. С. 175-181. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

OLIVIER MESSIAEN'S "STAINED THINKING"**Starikova Elena Nikolaevna***Novosibirsk State Conservatoire named after M. I. Glinka
tosha.starickov@yandex.ru*

The article determines the features of "stained thinking" typical of the creative work of the French composer Olivier Messiaen. Revealing the peculiarities and synesthetic foundation of the composer's thinking is conducted by means of the examination of his "stained thinking" in the general system of various types of thinking activity. By the example of one of the composer's works – "Chronochromie" – the synesthetic nature of the "stained thinking" of O. Messiaen and its seamlessness for the creative work of the French composer are argued.

Key words and phrases: "stained thinking"; types of thinking; Olivier Messiaen; "Chronochromie"; synesthesia.

УДК 316.33

Философские науки

Данная работа посвящена рассмотрению современного радикального исламизма с позиций учений О. Шпенглера о псевдоморфозе и Л. Н. Гумилёва об антисистемах. Авторы анализируют обстоятельства, вызвавшие исламизм к жизни, его связь с ваххабизмом и отношения исламизма с классическим исламом. Будучи реакцией мусульманского населения Леванта на засилье европейцев и прозападные реформы местных правителей, исламизм направлен против любых нововведений. Но, вдохновляясь ваххабитскими идеями, его адепты отвергают и ортодоксальный ислам, считая его искаженным чуждыми новшествами.

Ключевые слова и фразы: глобализация; псевдоморфоза; халифат; арабский национализм; антисистема; исламизм; ваххабизм; терроризм.

Сулимов Станислав Игоревич, к. филос. н., доцент**Черниговских Игорь Васильевич**, к. филос. н., доцент**Разинькова Лилия Сергеевна***Воронежский государственный университет инженерных технологий
sta-sulimov@ya.ru; igrchernigovskix@rambler.ru; razinkova1995@bk.ru***АНТИСИСТЕМНЫЕ ОСНОВЫ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА**

Современный мир в наши дни достиг большего политического и экономического единства, чем в любой другой момент истории. Попытки создать единую мировую систему предпринимались в былые времена, по меньшей мере, трижды (если учитывать Римскую империю, Арабский халифат и империю Чингисхана). И оба предыдущих всемирных государства были таковыми только по названию, потому что охватывали только мир, известный их гражданам, не претендуя на неведомые им территории. Поэтому падения Рима (476 г.) и Багдада (940 г.) и распад империи монголов (1269 г.) являются лишь событиями регионального масштаба, хотя затронутые ими регионы были всё-таки огромными. Иначе обстоит дело в наши дни. Единая мировая система, начавшая складываться в эпоху Великих географических открытий, завершила своё становление в 1990-е гг., когда мир перестал быть биполярным. И в наши дни каждый элемент мировой системы неразрывно связан с другими, как бы это ни огорчало противников глобализации. Например, кризис на Уолл-стрит влечёт за собой экономические проблемы во всём мире, а изменение цен на аравийскую нефть обогащает или разоряет торговцев горючим даже в России или Латинской Америке. Поскольку мировая система имеет множество элементов, то поддержание в мире равновесия является задачей колоссальной сложности и титанической ответственности. И из всех действующих переменных самыми непредсказуемыми оказываются духовные отношения, потому что их невозможно предписать юридическими законами и регулировать вооруженной рукой. В данной работе мы рассмотрим духовную угрозу, представляющую собой побочный продукт глобализации на Ближнем Востоке, которая известна в наши дни всему миру под именем исламизма и заслуженно считается связанной с терроризмом. Происхождение радикального исламизма не является закономерным с точки зрения исторического процесса и, скорее, представляет собой отклонение от нормального общественного развития. Поэтому нам придётся сделать хотя бы поверхностный экскурс в сущность таких патологий.

Как мы уже отметили выше, в глобальном мире все общества, народы и культуры взаимодействуют между собой, и ни одно из них не может не только уединиться, но даже дозировать свои контакты с соседями. В таких условиях, кроме совершенно естественного обмена (как торговли, так и прозелитизма) иногда имеют место два явления, открытых в XX в. отечественными и зарубежными исследователями. Речь идёт о псевдоморфозе и антисистеме. Термин «псевдоморфоза» ввёл в научный обиход немецкий философ О. Шпенглер в 1920-е гг. «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая старая культура настолько сильно довлеет над страной, что местной молодой культуре нечем дышать и она не в состоянии не только создать свои выразительные формы, но даже не приходит к полному разворачиванию собственного самосознания.

Всё, что поднимается из глубин молодой души, отливается в пустоты чужой жизни. Молодые чувства застывают в устаревших произведениях, и вместо подъёма собственного формообразования (*Gestaltungskraft*) до невиданных размеров вырастает только ненависть к чужой и далёкой силе» [10, с. 234]. Примером псевдоморфозы можно считать любой исторический случай политического и культурного господства зрелого общества над молодыми народами, ещё не создавшими собственных оригинальных форм общественной жизни. В результате представители молодых народов, вместо того, чтобы создавать оригинальные, понятные и близкие им формы государственности и духовной культуры, служат верой и правдой чужим образцам, которые они, к тому же, понимают по-своему, не так, как создатели этих образцов. Собственные же их творческие импульсы блокируются господствующей культурой, проверенной веками, но созданной в иных условиях и для иного общества. Сам О. Шпенглер ссылается на взаимоотношения Римской империи с народами Леванта в начале нашей эры, когда сирийцы и переживающие культурное возрождение греки были вынуждены писать по-латыни, носить одежду по римской моде и даже делать карьеру в чужой столице.

Иное, более сложное явление представляет собой антисистема. Термин был введен в употребление отечественным исследователем Л. Н. Гумилёвым и популяризирован В. Л. Махначем, П. М. Корявцевым и Д. А. Володихиным. Антисистема – это социально-духовная общность людей с негативным мирозерцанием, имеющая общее для своих членов, обычно синкретическое мировоззрение. Проще говоря, это люди, рассматривающие ситуацию, сложившуюся в их этносе, с позиции другого этноса и поэтому воспринимающие реальное положение дел как неправильное и нуждающееся в исправлении. Но поскольку они видят ситуацию «чужими глазами», то лишь разрушают «неправильное», а желаемое создать не могут, потому что вдохновляющий их образец либо непригоден в данной ситуации, либо настолько синкретичен, что не может быть воплощен нигде и никогда. Л. Н. Гумилев выделяет два непреложных условия для возникновения антисистемы: «Для появления устойчивой антисистемы необходимы два параметра: упадок, например, момент перехода из фазы в фазу местного этногенеза, и внедрение чужого этноса. Пусть даже обе системы будут перед началом процесса положительными, творческими, как в плане экологии, так и в аспекте культуры» [2, с. 493]. Антисистема не способна к развитию и обычно имеет эзотерическую структуру, то есть её социальная иерархия строится по принципу дозирования информации. А поскольку антисистемная доктрина состоит из несовместимых фрагментов разнородных культур, то её adeptы широко применяют ложь и умалчивание, стараясь скрыть противоречивость своего учения и привлечь к нему многочисленную аудиторию. Отечественный исследователь В. Л. Махнач полагал, что позволительность лжи является родовой чертой всех антисистем: «...антисистемы синкретичны, все они сляпаны из далёких друг от друга систем, и только ценой лжи можно добиться их объединения в некое целое, иначе они несовместимы» [5, с. 57]. Примерами антисистем минувших эпох можно считать манихейство и родственное ему богомилство, исмаилизм (входящие в него движения карматов, низаритов и Фатимидов), гаитянский культ вуду и китайскую секту «Белый Лотос». Антисистема действует против любой наличной действительности в пользу умозрительных, неосуществимых идеалов, но первым её врагом всегда оказывается та культурная система, представители и идеи которой внесли в неё наибольший вклад. Кажется, будто антисистемная организация изначально готовится к противостоянию именно с породившим её обществом.

Псевдоморфоза часто, но не всегда предшествует возникновению антисистемного движения. Двойственное, космополитическое мировоззрение складывается в псевдоморфозе гораздо легче, чем в духовно и политически едином обществе, но миграция идей может ведь происходить и сквозь политические границы. Например, манихейство формировалось на политической границе античного и персидского миров (в Месопотамии), исмаилизм зародился из шиитского ислама, повергшегося влиянию зороастризма, а «Белый Лотос» сложился и расцвёл в политически и культурно едином императорском Китае, синтезируя идеи апокрифического буддизма и манихейства. Идеи распространяются в рамках одного государства гораздо легче, чем между двумя и более противостоящими друг другу государствами. Но в одной стране обычно доминирует целостная и органическая культура, которая делает ненужной и невозможной никакую антисистему. Для возникновения антисистемы необходим синкретизм, а ни одна псевдоморфоза не обходится без синкретизма. Впрочем, космополитически образованная публика любой страны всегда немного синкретична, что делает возможным возникновение антисистемы в политически независимой и даже процветающей стране (например, средневековом императорском Китае или царской России XIX в.).

Чтобы понять, почему современный радикальный исламизм относится к антисистемным, а не консервативным движениям, необходимо сделать маленький экскурс в отношения Ближнего Востока с западным миром в XVII-XX вв. В середине XVII в. османский натиск на Европу был остановлен, после чего началось медленное, но неотвратимое отвоевание балканских и черноморских земель у мусульман. Россия сыграла в процессе изгнания османов из Европы далеко не последнюю роль, что автоматически подталкивало тогдашнего лидера исламского мира, Османскую империю, к сближению с европейскими державами. Безнадежное техническое отставание заставило турецкого султана постоянно приглашать западных специалистов и устраивать у себя политические учреждения, подобные европейским. Так, во второй половине XIX в. в Стамбуле был торжественно открыт парламент, а ещё в XVIII в. в Османской империи жило и работало множество европейских инженеров, которым подражало турецкое офицерство. В такой обстановке суннитский ислам отодвигался на второй план, не подвергаясь преследованиям, но постепенно переставая оказывать влияние на политику. Тем более что главой мусульман, халифом, традиционно считался турецкий султан, в XVIII-XIX вв. больше озабоченный торговлей с европейцами, нежели религиозными вопросами. К моменту реформ Ататюрка (1920-е гг.) в Турции прозападных элементов было едва ли не больше, чем исламских,

поэтому и революция, и модернизация прошли относительно безболезненно и бескровно. Другие мусульманские страны (кроме Персии) в XVIII-XIX вв. вообще были завоеваны французами и англичанами и превращены в колонии. А в процессе деколонизации бывшие хозяева постарались устроить жизнь новообразованных государств по европейским образцам, в частности, исходя из вестфальского принципа «нация-государство». В результате такой непродуманной политики на Востоке произошло раздробление устоявшихся этнокультурных общностей. Британский философ А. Дж. Тойнби справедливо указывает, что национализм неприменим к странам исламского мира: «Стоит посмотреть на языковую карту мира, и мы увидим, что европейское поле, где языки расположены достаточно четкими компактными и однородными блоками, есть нечто особое и исключительное. На значительно большей территории, протянувшейся к юго-востоку от Данцига и Триеста до Калькутты и Сингапура, языковая карта отнюдь не напоминает лоскутное одеяло, скорее она похожа на переливающееся шелковое покрывало. В Восточной Европе, Юго-Восточной Азии, Индии и Малайе люди, говорящие на разных языках, не разделены так четко, как в Западной Европе, они перемешаны географически, как бы чередуясь домами на одной улице одних и тех же городов и деревень; вот в этой иной социальной среде, где лингвистическая карта напоминает ковёр, в котором нити разных цветов переплетаются между собой, имеется основа не для разделения границ между государствами, но для локализации занятий и профессий среди отдельных групп людей» [8, с. 300]. Построение национального государства в условиях, когда большинство людей признаёт лишь религиозную идентичность (сунниты, шииты, хариджиты), привело к многочисленным насильственным репатриациям, погромам на этнической почве, а главное, к становлению светских, чуждых по своему духу мусульманам политических режимов. Правление полковника Гамала Насера в Египте и генерала Хафеза Асада в Сирии привнесло в эти страны социалистические идеи, а также советские и западные военные технологии, владеть которыми арабские курсанты обучались за рубежом. Арабская республика Египет и Арабская республика Сирия проповедовали национализм и секуляризацию в регионе, где тысячелетие люди идентифицировали себя только с религией, а единственным источником права были Коран и Сунна. Неизвестно, как долго бы существовала такая псевдоморфоза при благоприятном стечении обстоятельств, но стечение это оказалось крайне неблагоприятным. В 1967 г. наиболее «передовые» левантские страны, Сирия и Египет, с позором проиграли шестидневную войну Израилю. В глазах мусульман национализм и социализм оказались опорочены раз и навсегда. По этой причине усилились исламские традиционалистские движения, требовавшие возвращения к шариату и отказа от прозападных и просоветских заимствований. Среди таких консерваторов встречались как сторонники возвращения к проверенному веками союзу государства и религии (вместо провозглашаемого модернизаторами светского государства), так и мусульмане-обновленцы, сторонники теократии наподобие египетского идеолога Саида Кутба и даже политизированные сектанты вроде египетской полулегальной организации «Братья-мусульмане».

В ходе противостояния с социалистами и реформаторами настоящие консерваторы быстро оказались оттеснены на второй план исламскими обновленцами, получившими название «исламисты», к которым относились последователи С. Кутба и пакистанского политика А.-А. Маудуди, требовавших отмены светского законодательства и отказа от национального государства в пользу «демократической теократии». По мысли обновленцев, классический ислам скомпрометировал себя поражением в противостоянии с Европой и соглашательством с модернизаторами, поэтому необходимо сделать шариат охватывающим все сферы общественной жизни и, по возможности, ужесточить его требования. Согласно учению С. Кутба и А.-А. Маудуди, светское государство и законодательство являются разновидностью идолопоклонства: «Единственный справедливый правитель – тот, кто правит в соответствии с откровениями Аллаха. Но когда суверенитетом обладает “идол” (нация, партия, армия, народ и т.д.), и когда он является объектом поклонения толпы... тогда воцаряются Зло, Несправедливость, Ложь – антиислам, джахилийя» [4, с. 31]. Термин «джахилийя» буквально означает «невежество», и этим словом мусульмане обычно называют иноверцев. С точки зрения же исламистов к иноверцам приравниваются и сами мусульмане, если они сохраняют верность светскому правительству или руководствуются светским законодательством. Так, египетские «Братья-мусульмане» выдвинули лозунг: «Коран – наша конституция». И, следовательно, любой египтянин, сохранявший верность светской конституции республики, автоматически приравнивался к иноверцу. К счастью, исламистские организации 1970-х гг. насчитывали совсем небольшое число адептов и вели, в основном, религиозную, а не антиправительственную пропаганду. Арабские национальные правительства на первых порах не опасались этого немногочисленного и невлиятельного противника и даже оказывали традиционалистам и обновленцам некоторую поддержку, чтобы уравновесить социалистическое влияние. И в этот самый момент псевдоморфоза трансформировалась в антисистему.

Внешне 1973 г. выглядел для Сирии и Египта очень удачно: в ходе Октябрьской войны Израиль был разгромлен, социалисты-радикалы окончательно убраны с политической сцены, сменивший в Египте Насера генерал Анвар Садат оказался талантливым полководцем, способным администратором и либеральным правителем. По его приказу даже были амнистированы адепты радикальных исламистских «братств», находившиеся в тюрьмах со времён репрессий президента Насера. Народные массы Сирии и Египта связывали победу над Израилем с возвращением правителей в лоно религиозной традиции. Начавшие отходить от западных идеалов левантские страны были горячо поддержаны Саудовской Аравией, которая в ходе войны помогала им дипломатически, а после победы взяла на себя финансирование возрождающихся религиозных организаций в Сирии и Египте. Сирийское и египетское правительство, а затем их тунисские и алжирские коллеги выразили горячую благодарность своим арабийским единоверцам и изъявили желание сотрудничать. Когда они поняли, кого на самом деле впустили к себе, было слишком поздно.

Дело в том, что эмираты Аравии с середины XVIII в. исповедуют ваххабизм, почти маргинальную разновидность ислама, отдаленно похожую на европейское пуританство. Основавший это учение теолог Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб отвергал любые религиозные новшества, к которым традиционный суннитский ислам очень терпим. Так, аль-Ваххаб запретил культ святых, объявил Пророка просто человеком, а всех, кто не согласился с его доктриной, приравнивал к язычникам. Именно аль-Вахаб применил термин «джахилия» ко всем мусульманам, которые не поддержали его доктрину. Более того, он легко разбрасывался страшным обвинением «такфир», то есть «отступник». По правилам шариата, такфир – это религиозный ренегат, мусульманин, перешедший из ислама в иную веру. Человек, которому объявлен «такфир», оказывается вне закона. Любой мусульманин может и должен убить его и присвоить его имущество. В силу серьезности этого обвинения ортодоксальные улемы почти никогда не применяют такое отлучение. А вот аль-Ваххаб объявил «такфир» всему суннитскому и шиитскому миру. Называя суннитов «отступниками», теолог прямо подстрекал окрестные бедуинские племена нападать на них. Ему оказал политическую поддержку эмир Дерий Мухаммед ибн Сауд, основатель династии Саудидов, которая правит в Аравии по сей день. И почти на полвека Дерийя стала разбойничьим гнездом, куда стекались охочие до чужого добра бедуины, и откуда отряды ваххабитов совершали грабительские набеги на сопредельные территории (Османскую империю, Ирак). Сектантский эмират жил в прямом смысле слова разбоем, который ваххабитские лидеры от всей души благословляли. Нападения на соседние мусульманские государства сектанты рассматривали как «священную войну» с «отступниками» и «многобожниками», а вовсе не бандитизм. Советский исследователь А. М. Васильев характеризует их деятельность так: «Включив в себя в качестве важнейшего постулата “священную войну” против “многобожников”, ваххабизм с самого начала стал идеологией военной экспансии, грабительского набега» [1, с. 111]. Реакция османского халифа не замедлила сказаться: ваххабиты были объявлены еретиками. По его призыву египетские полководцы Тусун-бей и Ибрагим-бей разгромили сектантов. Ваххабизм не был уничтожен полностью, но Саудида надолго отказались от какой-либо экспансии.

И вот, в 1970-е гг. положение дел резко изменилось. Саудовская Аравия из нищей окраины исламского мира превратилась в крупнейшего экспортера нефти, по своим доходам превзошедшего и Египет, и Сирию. Её финансовое и политическое влияние позволило этим странам победить в войне, и после этого ваххабиты красивым жестом протянули руку помощи всем мусульманам, натерпевшимся как от европейцев, так и от европеизированных соотечественников. Ваххабиты были богаты и влиятельны (нефть принесла и приносит им огромные деньги). Они сразу же продемонстрировали свои методы и принципы, создав в Египте буквально на пустом месте такие радикальные организации, как «Общество мусульман» и «Сокровенный долг». Как только президент А. Садат приказал арестовать членов «Общества мусульман» за совершенные ими уголовные преступления (захват заложников), так сразу же был застрелен фанатиком из «Сокровенного долга». Суннитское духовенство пыталось критиковать аравийских гостей, но вопрос решился деньгами: ваххабиты активно занимаются благотворительностью и меценатством, спонсируют гранты и образовательные программы теологической направленности, приглашают в аравийские университеты студентов-мусульман со всего мира, а египетские и сирийские улемы могут этому противопоставить лишь фетвы, подкрепленные только их личным авторитетом. Исламистское движение, изначально представлявшее собой сильно ограниченное в ресурсах религиозно-утопическое течение, оказалось осёдлано сказочно богатой группировкой сектантов-экстремистов. При этом необходимо отметить, что и до вмешательства ваххабитов исламисты были именно обновленцами, а не представителями ортодоксального ислама. Подобное движение с необходимостью должно было возникнуть по причине хаоса, охватившего суннитскую общину после ликвидации халифата.

Цели ваххабитов имеют буквально мировые масштабы. Вот как характеризует их французский исследователь Ж. Кепель: «После 1973 года ваххабитские институты достигли нового уровня и перешли к широкомасштабному прозелитизму в суннитском мире (шииты, считающиеся еретиками, остались вне рамок движения). Ваххабиты поставили перед собой цель – сделать ислам главной действующей силой на международной арене и одновременно свести многочисленные интерпретации этой религии к символу веры хозяев Мекки. Их рвение охватывало весь мир, выплескиваясь через традиционные географические границы ислама и достигая Запада, где мусульманское иммигрантское население сделалось излюбленной мишенью саудовского прозелитизма» [4, с. 74]. Благодаря своей готовности финансировать филиалы даже в самых бедных странах, ваххабизм получил широкое распространение в Африке южнее Сахеля. Например, ваххабитская пропаганда, подкреплённая щедрой благотворительностью, оказалась крайне успешна в северной Нигерии, Сомали и Мали. В малийской столице Бамако за деньги ваххабитов даже были построены огромная мечеть и теологический институт, преподающий исламское богословие в его ваххабитской редакции. Иммигрантские общины европейских городов тоже получают финансовую помощь и духовную поддержку от сектантов, что делает их потенциально лояльными ваххабитскому движению.

Возникает вопрос: что антисистемного в ваххабитском движении? Не всё ли равно, какая именно суннитская фракция поведёт мусульман к единству? Немало ведь было и осталось в исламе течений, которые гармонично сосуществуют друг с другом. Проблема в том, что ваххабитский шариат относится к радикальной правовой школе ханбалитов. Её представители запрещают вносить в культ любые новшества, хотя эти новшества, именуемые «бида», составляют в исламе едва ли не половину всего вероучения. Например, в народном исламе на протяжении всей его истории популярен культ святых, который ваххабиты объявили безусловным злом и даже разрушили едва ли не все святыни Мекки (например, могилу дочери Пророка Фатимы), называя их языческими капищами. Ещё в XVIII в. у аль-Ваххаба были конфликты с шейхами бедуинов, потому что идеолог требовал досконального соблюдения шариата, а бедуины давно уже научились совмещать шариат с обычным правом.

В «чёрной» Африке шариатское право вообще неприменимо, потому что местные народы не имеют традиций письменного законодательства, предпочитая решать все вопросы на открытом племенном совете. В Афганистане активно поддерживаемые ваххабитами талибы установили режим, несовместимый с горскими правовыми и политическими традициями, и державшийся только силой оружия. Поэтому получается, что ваххабиты позиционируют себя защитниками традиционного исламского общества, но на деле выступают разрушителями его традиций в пользу академической доктрины, далёкой от жизненных реалий большинства мусульман.

Что же привлекает неофитов в их ряды? Во-первых, разрешение грабить и убивать всех, кто не согласен с доктриной секты. Многие нищие африканцы или жители европейских трущоб согласны потерпеть незнакомый им буквалистский шариат ради того, чтобы сполна вознаградить своё терпение имуществом «отступников». Благодаря своей радикальной нетерпимости ваххабизм легко находит врагов и жертв для своих адептов, сглаживая этим отсутствие оригинальной экономико-политической модели. Во-вторых, отвергая европейскую культуру, данное учение очень импонирует безграмотной молодёжи, давая санкцию на дальнейшую необразованность. И, в-третьих, ваххабиты достаточно богаты для того, чтобы оплачивать услуги наемников. Каждый желающий пострелять молодой человек с лёгкостью забрасывается ими в ту или иную «горячую» точку, где он может вполне легально разбогатеть на чужой крови. Кроме того, в странах Африки южнее Сахеля сотрудничество с ваххабитами порой бывает единственным способом выжить в клановых разборках, потому что государственная власть там либо очень слабая (Нигерия), либо вообще отсутствует (Сомали).

При этом следует отметить, что ни в одной из стран, куда они проникают, ваххабиты не господствуют безраздельно. Широкие общественные слои сотрудничают с ними, но не согласны безоговорочно подчиняться сектантам. Поэтому в ход идут не только подачки, но и сила. Вот короткий перечень ваххабитских экстремистских и террористических организаций:

- «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (Al-Qaeda in the Islamic Maghreb) – панисламистская террористическая организация в Марокко и странах Сахеля;

- «Стоящие на страже» (Al Mourabitoun) – алжирская террористическая группировка, состоящая из организаций «Подписавшиеся кровью» и «Укрывающие лицо»;

- «Защитники веры» (Ansar ad-Din) – малийская террористическая группировка, многие руководители которой являются выпускниками теологического института в Бамако, открытого и финансируемого ваххабитами;

- «Ложный Запрет» (Woko Haram) – террористическая организация северной Нигерии, претендующая на исламизацию всей страны, в наши дни тесно сотрудничает с «Исламским государством Ирака и Леванта»;

- «Молодёжное движение моджахедов» (Harakat Shabab al-Mujahidin) – сомалийское незаконное вооружённое формирование, воюющее как против сомалийских кланов и миротворцев ООН, так и против ортодоксальных мусульман [9, с. 13];

- «Талибан» – афганское теократическое движение, возникшее в Пакистане при самом деятельном участии ваххабитского лидера и идеолога Усамы бен Ладена, который всю свою жизнь оставался спонсором и вдохновителем теократического режима в Афганистане;

- «Союз мусульман Франции» – иммигрантская организация во Франции, призывающая к сегрегации по религиозному критерию и исповедующая панисламизм, по некоторым данным щедро спонсируется ваххабитами (все указанные организации, кроме последней, запрещены в РФ) [3, с. 30].

Последняя организация наиболее симптоматична: если ваххабизм плохо уживается даже с сомалийским и афганским жизненными укладами, исторически близкими к мусульманскому, то как возможно его мирное взаимодействие со светской или христианской европейской культурой? Впрочем, самих ваххабитов этот вопрос мало интересует: для них всё, что не ваххабизм, то «такфир» и «джахилийя» («отступничество» и «невежество»).

Таким образом, получилось, что возникший как реакция на политическую несостоятельность национальных арабских государств и правителей-модернизаторов исламизм стал почвой, пригодной для распространения в мире деструктивного сектантства. В нём причудливо перемешались ваххабитский ригоризм и западная политическая терминология (например, А.-А. Маудуди использовал в своей доктрине такие термины, как «суверенитет»), радикальный утопизм и религиозный фанатизм (особенно выразившийся в политической практике талибов). Возникают два вопроса: почему исламистское движение и его ваххабитские вдохновители активизировались именно во второй половине XX в., и почему они прибегают к террористическим методам?

Дело в том, что исламизм представляет собой синкретическое учение, немислимое как без религиозной риторики, так и без европейских политических терминов, потому что противником исламистов являются светские арабские государства, созданные по западным образцам. Чтобы отрицать социализм или демократию, необходимо хотя бы иметь о них представление. К тому же, исламизм противостоит мусульманской ортодоксии, полагая её скомпрометированной сотрудничеством с колонизаторами и светскими диктаторами. Такие выпады стали возможными лишь в XX в., когда суннитский ислам оказался обезглавлен реформами Ататюрка. Революция уничтожила власть османского султана-халифа, и в 1924 г. в республиканской Турции халифат был упразднён. Таким образом, если раньше у исламского мира был глава, который однозначно определял, что ересь, а что – безобидное «новшество», то с 1924 г. любой мусульманский и сектантский проповедник уравнился в правах с ортодоксальным духовенством. Например, в начале XIX в. османский халиф объявил ваххабитов еретиками и при помощи своего духовного авторитета сориентировал на поход против них египетского пашу. Теперь же суннитский ислам не имеет единого центра, который мог бы сплотить ортодоксов против ереси с глобальными претензиями. Исламский мир втиснут в псевдоморфозу национальных государств европейского типа, и поэтому ни один муфтий не представляет инстанции большей, чем духовенство конкретной

страны. В противоположность этому и С. Кутб (пока был жив), и ваххабитские идеологи пытаются выступать от лица всех мусульман, независимо от их национальной и государственной принадлежности.

Говоря о терроризме исламистов, иранско-американский исследователь Ф. Мохаддам справедливо указывает, что бомбисты-смертники не являются специфическим мусульманским явлением: «Террористы-смертники являются “управляемыми снарядами” *слабых* (курсив наш – С. С., И. Ч., Л. Р.) армий. Они – эквивалент того, что имеют военные Соединенных Штатов – спутниковых систем управления и ракет точного наведения, которые они направляют на конкретные цели» [6, с. 215]. Но почему «слабых армий»? Потому что ни в одной стране мира исламисты не пользуются поддержкой большинства населения. Несмотря на всю свою религиозность и антизападную направленность, ваххабиты и их союзники не смогли создать прочного государственного образования даже там, где им сопутствовал военный успех. Режим талибов в Афганистане является наглядным примером того, что представляет собой господство антисистемы в реальности, когда умолкает риторика: контрабанда и наркоторговля, полный коллапс экономики и постоянный поиск внутренних врагов, которых можно было бы обвинить в собственных политических просчётах. Пакистанский журналист А. Рашид описывает талибов следующим образом: «Они обожали войну, поскольку она была единственным занятием, к которому они были готовы. Их мессианская вера в пуританский ислам, вколоченная в их головы простым деревенским муллой, была единственной опорой, придававшей их жизни какой-то смысл. Не подготовленные ни к чему, даже к традиционному делу своих предков – возделывать землю, пасти скот, заниматься ремеслом, – они были теми, кого Карл Маркс назвал бы афганским люмпен-пролетариатом» [7, с. 52]. Получается, что ваххабитские деньги и педагогика возвращают именно таких борцов за «исламскую культурную самобытность». За пуританским фасадом скрывается даже не религиозное подвижничество, а жажда разрушения ради разрушения, хотя, возможно, сами исламисты и полагают, что только таким варварским образом можно создать подлинную мусульманскую теократию. Однако этой теократии, несмотря на их локальные победы, никто пока не видел, а недееспособный режим талибов и теракты «Аль-Каиды» известны всем. Поэтому исламистам не остаётся ничего другого, как навязывать свою власть силой, одновременно избегая открытого противостояния с правительственными формированиями тех стран, где они претендуют на власть. Современные военные действия в Сирии – это скорее экзотика, чем стандартный метод действия исламистов.

Итак, мы рассмотрели исламистское движение в развитии от зарождения до наших дней и можем выделить следующую его динамику. Изначально исламисты представляли собой разрозненные группы противников модернизации и секуляризации арабских стран, затем они были поддержаны нефтяными деньгами ваххабитов, что совпало с кризисом светских государств. В конце XX в. исламисты воспринимаются многими мусульманами как освободители от власти светских диктаторов, складываются интернациональные исламистские организации (например, «Аль-Каида» и «Исламское государство Ирака и Леванта» (запрещены в РФ)), в Афганистане талибы даже захватывают столицу и большую часть страны. В начале XXI в. исламизм проникает в мусульманские общины европейских городов и в 2010-е гг. даёт о себе знать терактами во Франции и Бельгии, параллельно с этим наращивая силы в странах «чёрной» Африки. Так, теракт в Бамако, в ходе которого были расстреляны европейские постояльцы местной гостиницы, наглядно продемонстрировал, что пределами собственно исламского мира радикалы ограничиваться не собираются. Получается парадоксальная ситуация: не умея организовать мирную жизнь даже в захваченном Афганистане и защитить свои завоевания от войск НАТО, исламисты стремятся к расширению зоны влияния, совершенно игнорируя сомнительное качество своего управления.

Но могут ли они действовать иначе? Ведь исламистское движение сложилось в классических для антисистемы условиях: псевдоморфоза (насаждение европейских политических образцов в мусульманском мире) и кризис ортодоксального суннитского ислама (ликвидация османского халифата). Последнее обстоятельство оказалось роковым: именно халифат позволял отделять от ислама различные еретические и сектантские веяния. Например, ваххабиты почти двести лет находились в маргинальном положении, поскольку халиф официально объявил их еретиками. Но крах суннитского единства позволил сектантам включиться в политические неурядицы, сопровождавшие модернизацию арабских стран Леванта. Борясь против псевдоморфозы, исламисты ориентированы исключительно на отрицание и разрушение, и поэтому их победа, если таковая случится, станет величайшим бедствием для мусульман. А с учётом того, что глобализация объединила все страны и народы в единую систему, исламизм несёт опасность для всего мира.

Список литературы

1. Васильев А. М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство саудинов в Аравии (1744/45-1818). М.: Наука, 1967. 262 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2004. 556 с.
3. Долгов Б. В. Мусульманская община во Франции // Азия и Африка сегодня. 2014. № 12. С. 27-31.
4. Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. 468 с.
5. Махнач В. Л., Елисеев С. О. Политика. Основные понятия. М.: Синергия, 2005. 319 с.
6. Мохаддам Ф. М. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. М.: Форум, 2011. 288 с.
7. Рашид А. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М.: Библион – Русская книга, 2003. 368 с.
8. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ, 2011. 318 с.
9. Фитунни Л. Л., Абрамова И. О. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке» // Азия и Африка сегодня. 2014. № 12. С. 8-15.
10. Шпенглер О. Закат Европы: в 2-х т. Минск: Поппури, 2009. Т. 2. 704 с.

ANTISYSTEMIC BASICS OF RADICAL ISLAMISM

Sulimov Stanislav Igorevich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Chernigovskikh Igor' Vasil'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Razin'kova Liliya Sergeevna
Voronezh State University of Engineering Technologies
sta-sulimov@ya.ru; igrchernigovskix@rambler.ru; razinkova1995@bk.ru

This work is devoted to the consideration of contemporary radical Islamism in terms of O. Spengler's theory of pseudomorph and L. N. Gumilyov's theory of antisystems. The authors analyze the circumstances that brought Islamism to life, its connection with Wahhabism and the relations of Islamism with classical Islam. As a reaction of the Muslim population of the Levant to the dominance of the Europeans and the pro-western reforms of the local rulers, Islamism is against all innovations. But, inspired by Wahhabite ideas, its followers reject orthodox Islam considering it distorted with alien innovations.

Key words and phrases: globalization; pseudomorph; Caliphate; Arab nationalism; antisystem; Islamism; Wahhabism; terrorism.

УДК 130.2+323(510)

Философские науки

В статье представлена эволюция концепции «мягкой силы» КНР, которая обнаруживает национальную специфику: культуроцентричность. На основе анализа работ китайских исследователей автор выявляет принципы и условия обеспечения конкурентоспособности «мягкой силы» культуры Китая. Обосновывается мысль о том, что исследования «мягкой силы» культуры в КНР носят фундаментальный, системный и масштабный характер, приобретая статус отдельного научного направления.

Ключевые слова и фразы: «мягкая сила»; «мягкая сила» Китая; «мягкая сила» культуры; концепция «мягкой силы»; КНР.

Тарабарко Ксения Александровна

Забайкальский государственный университет
xiaoyn@yandex.ru

**«МЯГКАЯ СИЛА» КУЛЬТУРЫ:
ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ В ТРУДАХ КИТАЙСКИХ УЧЁНЫХ**

Интерес к концепции «мягкой силы», её сущностному содержанию и практике реализации резко возрос в КНР в последние десятилетия. В поиске концептуальных оснований «мягкой силы» КНР китайские ученые значительно расширили предложенную Дж. Наем теорию, наполнив её аутентичной культурно-ценностной составляющей и определив тем самым её культуроцентричность [5, с. 210, 224].

Ментальные конструкции как элементы китайской «мягкой силы», сформированные на разных исторических этапах развития Китая, обнаруживаются в трактатах школ философской мысли начиная с VII-VI вв. до н.э. Идеи «мягкой силы» в новой интерпретации зазвучали в китайской науке в конце 1990-х гг. К этому периоду традиционные стратагемные представления, трансформированные в идеологию военной философии Нового времени Дэн Сяопина, нашли выражение в концепции «мягкой силы» [1, с. 15]. В 1993 г. в КНР была опубликована статья профессора Ван Хунина «Культура – «мягкая власть» государственной мощи» [7], в которой автор представил новое понятие китайской науке и положил начало многочисленным исследованиям в данной области. В середине 2000-х гг. тема «мягкой силы» и её значения для Китая стала одной из самых обсуждаемых в научных и политических кругах. Проведенный профессором Мэнь Хунхуа анализ результатов обзора научных работ в Национальной академической электронной базе (中国知网) показал наличие 518 работ, опубликованных с 1997 по 2007 гг., в названии которых присутствовало ключевое слово «мягкая сила» [12]. За пять последующих лет этот показатель достиг более 2000 публикаций.

Китайский научный дискурс «мягкой силы» носит фундаментальный характер. В рамках реализации «научного подхода» к проблеме, тщательному анализу подверглись переведенные на китайский язык труды С. Хантингтона, Дж. Ная, З. Бжезинского, А. Вендта и др. Это в полной мере отражается в работах Дань Шиланя, Ли Минцзяня, Го Цземиня, Чжан Гоцзо, Чжэн Бяо, Гао Чжаньсян и др. Так, вступая в полемику с Дж. Наем, Го Цземинь критически отмечает, что основная цель наевской концепции состояла в попытке предоставить дипломатические консультации правительству США в области реализации внешнеполитических стратегий, чем объясняется отсутствие четкой структуры и размытость основных понятий [9, с. 32]. Последнее, по мнению автора, также стало причиной множественности переводов концепта “soft power” на китайский язык: 软实力 – «жуань шили», 软力量 – «жуань лилян» – «мягкая сила», 软权力 – «жуань цюаньли» – «мягкая мощь», 软国力 – «жуань голи» – «мягкая власть». Очевидно, что вариант перевода «软权力» и близкий ему «软权势» – «мягкая власть, мягкая мощь» – наиболее подходящий для перевода “soft power” в интерпретации Дж. Ная. Однако соответствующими современному содержанию китайской «мягкой силы» являются переводы «软国力», «软实力».